

З. Р. Дохова, Т. А. Чепракова

МУЛЬТИФИЛЬМ КАК МЕХАНИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ЭГАЛИТАРНЫХ ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ (на материале мультсериала «ВИНКС»)

В статье исследуется гендерный аспект мультипликационных фильмов, которые являются одним из мощнейших средств воспитания. Автор изучает особенности конструирования у детей дошкольного возраста эгалитарных представлений о женском образе посредством мультфильма. В основе исследования лежит гендерный анализ вербальных и невербальных стратегий поведения представительниц женского пола в мультсериале «Винкс». Проанализированный материал позволяет автору сделать вывод о том, что в современном мультфильме, существенно формирующем культурные концепты в сознании детей, наблюдается распространение так называемого «матриархатного» гендерного стереотипа.

Ключевые слова: гендерные исследования, гендерная социализация, структура детского сознания, гендерноориентированный мультипликационный фильм, патриархатный гендерный стереотип, «матриархатный» (эгалитарный) гендерный стереотип.

Z. Dohkova, T. Cheprakova

Animated Cartoon as a Mechanism of Developing Egalitarian Gender Conceptions of Pre-School Age Children (Based on the Animation Serial «Winx»)

The paper analyses the gender aspect of animated cartoons which are one of the most powerful means of upbringing. The peculiarities of the development of egalitarian gender conceptions of pre-school age children about a female image by means of an animated cartoon are discussed. The gender analysis of verbal and nonverbal strategies of behaviour of females in the animation serial “Winx” is the basis of the research. The conclusion is drawn that the so-called “matriarchal” gender stereotype is widely spread in the modern animated cartoons which essentially forms cultural concepts of children’s consciousness.

Keywords: gender analysis, gender socialization, structure of children’s consciousness, gender-oriented animated cartoon, patriarchal gender stereotype, “matriarchal” (egalitarian) gender stereotype.

В лингвистике последних десятилетий, бесспорно, широкое распространение получили гендерные исследования, а гендер, по мнению ученых, стал «комплексным понятием, включающим в себя социальный, философский, культурологический аспекты взаимоотношений мужского и женского полов» [1, с. 5]. Согласно Е. С. Гриценко, гендер — «это не то, что индивид имеет, а то, что он/она делает. С этой точки зрения, гендер не просто существует, а постоянно производится, воспроизводится, а также меня-

ется в результате конкретных действий индивидов, заявляющих свою идентичность» [3, с. 24]. Данное утверждение позволяет предположить, что человек конструирует гендерную модель поведения в течение всей своей жизни, начиная с первой стадии половой стратификации — детства. У ребёнка формирование социального пола со своеобразным мировоззрением происходит через гендерную социализацию, под которой понимается то, как общество помогает человеку освоить систему принятых половых

ролей. Подрастающее поколение усваивает гендерноориентированную систему ценностей через подражание и уподобление окружающим людям, в особенности, своим родителям. Не менее важным маркером формирования маскулинной и феминной культур в детстве являются мультипликационные фильмы, передающие культурные навыки и ценности, преднамеренно транслирующие культурные стереотипы, которые и становятся следующим предметом подражания подрастающего поколения.

Доказано, что дети воспринимают окружающий их мир в виде образов, главнейшим из которых является женский. Видя стереотипные модели поведения мультгероинь, девочки конструируют для себя ориентиры дальнейшей жизнедеятельности, мальчики же создают идеал женщины, которая воспринимается ими как мать или будущая спутница жизни. В связи с этим данная статья посвящена гендерному анализу мультипликационного фильма с целью доказать возможность формирования у детей дошкольного возраста посредством мультфильмов, при создании которых, безусловно, учитываются лингвистические и парalingвистические особенности, определённых представлений о женском образе (в нашем случае — эгалитарных стереотипов).

Предметом рассмотрения является основанный на комиксах гендерноориентированный мультипликационный фильм западного производства (Италия), получивший широкое распространение среди девочек дошкольного возраста. Мультфильмы, ориентированные на данную возрастную группу, выбраны нами не случайно: именно в это время у детей начинается относительно сознательное формирование системы ценностей.

Материалом для нашего **исследования** послужили 10 серий обозначенного мультсериала: «Бал принцессы», «Неожиданное событие», «Поселение Пикси», «Сила Чармикса», «Зеркало правды», «Море страха», «Предательский бал», «Новое начало», «Белый круг», «Опасность на Диких землях».

Работ, посвященных исследованию различных аспектов мультипликационных фильмов, очень мало. В научной литературе в большей мере встречаются труды, посвящённые разным аспектам изучения сказок, наиболее основательными из которых, на наш взгляд, являются работа В. Проппа [6] и небольшая статья Е. Здравомысловой, Е. Герасимовой, Н. Троян [4].

При описании идеального женского образа, который намеренно закладывается в качестве ориентира в мультипликационных фильмах, мы опирались на версии традиционного гендерного стереотипа, выделенные Е. Здравомысловой, Е. Герасимовой и Н. Троян: «*базовый патриархатный и так называемый русский традиционный (условно матриархатный)*» [4, с. 76].

Первый вид гендерной модели поведения является стандартным стереотипом социального пола, предполагающим доминантную (мужскую) и подчиненную (женскую) схемы демонстрации гендра, что лишний раз подтверждает изначальное воспитание у девочки устойчивого представления о ее подчинённом положении: «Стать девочкой — значит сначала неосознанно, потом осмысленно принять свою подчинённость, зависимость и вторичность по отношению к мужчине и, понимая это, вести себя, одеваться, говорить как «настоящая и правильная» девочка» [2, с. 90].

Основными характеристиками представительницы слабого пола в рамках такого стереотипа являются «терпение, покорность, жалость, сострадание, нежность, доброта, мягкость, жертвенность, стремление к сохранению гармонии в межличностных отношениях», которые вознаграждаются внешней красотой, удачным браком и богатством [4, с. 73]. Идеальный жених же представлен в образе барина — богатого, кудрявого, молоденького, обладающего физической силой и такими качествами, как агрессивность, настойчивость, решительность, твердость, бескомпромиссность [4, с. 72].

Второй вид гендерного стереотипа — «матриархатный» — предполагает сегрегацию мужской и женской сфер жизнедеятельности таким образом, что главенствующая роль практически во всём отводится представительнице женского пола. «Если в “патриархатных” сказках отчетливо прослеживается осуждение женского доминирования, то, напротив, в сказках с богатырьшей главой семьи является положительная героиня, и её доминирование в семье не осуждается. Мы видим отклонение от патриархатного разделения ролей в семье: жена идет на войну, а муж становится хранителем семейного очага» [4, с. 76]. Кроме красоты героини подобных сказок обладают немалой физической силой, что противоречит патриархатному стереотипу.

Анализ верbalной и неверbalной характеристики мультилакационного нарратива «Винкс», субъектом которого является представительница женского пола (шесть главных героинь, фей-учениц из школы магии Алфея, находящейся в волшебном мире Магикс, закрытом от обычных людей: Блум — принцесса планеты Домино, фея огня; Лейла — принцесса Андроса, фея всего жидкого; Муза — фея музыки, мелодии; Стела — принцесса планеты Солярия, фея солнца и луны; Текна — фея интеллекта и Флора — фея природы), в отличие от патриархатного гендерного стереотипа, даёт возможность отнести данный мультфильм к матриархатноориентированному гендерному стереотипу. Данный мультсериал содержит оценку героинь/героев и их действий, позиционируя тотальный женский и мужской образы, конструируя эгалитарные представления о женственности. Новые образы, с одной стороны, обладают характеристиками (верbalными и неверbalными), которые отличают их от традиционных типов женственности, а с другой стороны, демонстрируют «привычные» женские качества. Нас интересуют именно отличительные от традиционных норм представления. Так, **анализ неверbalной комму-**

никации в «Винкс» позволяет утверждать следующее.

1. Традиционно важной характеристикой мультгероинь является женственность, которая выражается как через духовные качества, так и через своеобразную целомудренную физическую красоту. Однако в современном мультсериале приоритет отдаётся именно вульгаризированной физической красоте, причём сугубо физиологической: обязательно модельные параметры тела — «90-60-90», длинные ноги, роскошные волосы, яркая косметика, пёстрая (порой сочетание цветов можно назвать безвкусным), обязательно «модная», кокетливая одежда (гиперкороткие юбочки, платьица, шорты, топики; сверхузкие брюки, комбинезоны, подчёркивающие идеальную фигуру). Очевидная чрезмерная яркость героинь, наделённых взрослым реализмом, настолько привлекает внимание детей, что в духовной красоте фей нет никакой необходимости.

В мультфильмах с ярко выраженным патриархатным гендерным стереотипом для героини, кроме физической красоты, важны и атрибуты, характеризующие её как идеальную домохозяйку: умения ткать, шить, стирать, готовить. У фей нет времени на такие реалии повседневной жизни — они спасают мир. Так, в одной из серий «Неожиданное событие» на просьбу матери помочь в магазине дочь Блум, капризничая, отвечает: «О, нет!», пропагандируя лень, возможность ослушания и выражения своего недовольства перед родителями. Не только домашняя работа утруждает фей, но и учёба: *Стела: Мне надоело учиться!* (В. 3), *Фаргонда: Вам не придётся учиться или тренироваться.* *Стела: Слава богу!* (В. 5). Мультфильм с такими ценностными ориентациями формирует у девочек подобные мировоззрения.

2. Принято считать, что «инструментальная сфера, самоутверждение, нацеленность на выполнение социальных задач и познание внешнего мира (для мужчин) vs. социоэмоциональная сфера, направленность на

внутренний мир, на комфортность общения (для женщин)» [5, с. 33]. Если идеальными стереотипно мужскими чертами характера являются решительность, непоколебимость, храбрость и героическая мужественность, то этими особенностями в описываемом нами мультсериале характеризуются именно героини, то есть наблюдается **авторитаризм девушек**, который оценивается однозначно положительно. Происходит своеобразное «омужествление» женщины: при женственной внешности она обладает внутренним миром, более характерным для мужчины. Даже физически она сильнее, смекалистее (так, в соревновании по сноубордингу Лейла опережает всех специалистов и даже немного насмехается над ними: *Почему Вы так долго, мальчики?!* (В. 3)). Девушка становится категоричным суперменом: её интересуют проблемы, которые, согласно патриархатному стереотипу, должен решать мужчина. Её основная миссия — спасти МИР в традиционном смысле этого слова. Ключевая фраза геройни практически во всех мультсериалах — «*Наша миссия выполнена!*» (В. 9). Герои-специалисты же обладают чертами, которые в рамках патриархатного стереотипа считаются типично женскими: они являются помощниками фей, часто, возлагая все надежды на своих спасительниц, прячутся за их хрупкими спинами: так, в борьбе с грифонами мальчики находятся на корабле и негодуют: *Почему они бездействуют?* (имеются в виду, феи), а девочки спасают их: **Блум:** *Девочки, теперь наша очередь! Давайте разберёмся с этим грифоном!* (В. 5).

Представители мужского пола быстро отчиваются: **Скай:** *Я пытаюсь выпустить охладитель, только он не работает! Мы ничего не можем сделать!* (В. 5), и лишь подбадривание девушек им придаёт смелость: **Тимми:** *Да, но это опасно! Этого места нет на карте!* **Текна:** *Слушайте, ребята, разве Вы не лучшие пилоты в Красном фонтане?!* **Ха-ха-ха!** **Тимми:** *Ну, на самом деле... Хорошо!* (В. 5).

Ярким свидетельством апеллирования к формированию эгалитарной языковой личности ребёнка в анализируемом мультфильме является серия (В. 8), посвящённая спасению командой Винкс мальчиков-специалистов, захваченных в плен Валтером (князем тьмы). Или другая серия, в которой можно наблюдать следующую сцену: **Текна обращается к специалисту:** *Тимми, отнесите Флору на корабль и приготовьтесь к взлёту! А мы разберёмся с этими ящерицами!* (В. 7). То есть опять происходит подмена ценностей: если раньше на пьедестале стояли мужчины, богатыри, которые спасали своих возлюбленных, то в современном мире всё наоборот — миром правит женщина: мальчики попали в беду — девочки, рискуя своей жизнью, вызволяют их.

Показательным, на наш взгляд, является и неверbalное проявление чувства страха представителями разных полов: когда Валтер нападает на специалистов, они настолько пугаются, что дрожат, а страх отражается в их глазах, чего никогда не происходит с девочками: они непоколебимы, их глаза выражают злость и ненависть: **Блум:** *Валтер, мы уже побеждали тебя и сделаем это снова, раз и навсегда!* (В. 8).

3. Культивирование в качестве эталона стандартизированного женского тела «90–60–90» приводит к тому, что геройни представляют себя как потенциальные субъекты для манипуляций, о чём свидетельствуют и невербалные средства общения: девушки кокетничают, что проявляется в широком спектре жестикуляции, мимики и просодики: пожимают плечиками, склоняют голову, мило и застенчиво улыбаются и наивно хлопают ресницами.

Девушке, согласно традиционным взглядам, не свойственно делать первый шаг, она должна скрывать свои чувства до тех пор, пока герой не удостоит её своим вниманием. В анализируемом же мультфильме наблюдается женское доминирование: феи не возбраняется самой инициировать любовные отношения, взять всё в свои руки: *Лей-*

ла хочет танцевать — вскакивает, берёт Нобу за шиворот и волочет на сцену, тот подчиняется (В. 9). Метаморфозы поведения героинь, т. е. их трансформации в течение всех анализируемых нами мультфильмов не происходит. Так, практически во всех сериях героини «вешаются» на шею своим *бойфрендам* (именно бойфрендами, а не парнями или женихами (точно — не сужеными!) они их и называют: *Стела*: Не каждый же вечер ты проводишь с родителями своего *бойфренда* (В. 7)), первыми признаются в своих симпатиях: *Лейла*: Нобу, как же ты мне нравишься! Нобу: Да, Лейла, нет ничего приятнее твоих слов! (В. 9).

В просмотренных сериях встречаются и вполне откровенные сцены, предназначенные не для просмотра детьми дошкольного возраста: *Стела*: Брендон, ты был таким смелым (*бросается ему на шею, они целуются в губы*). *Брендон*: Мне нравится тебя спасать! *Стела*: Брендон, ты же знаешь, я не за это *тебя целую!* (В.); К Блум подходит Скай, она обнимает его, кладёт ладони на его щёки (В. 9). Инициаторами поцелуев и объятий чаще становятся героини-феи, чем герои-специалисты, хотя, согласно наблюдениям Г. Е. Крейдлина, «собраны данные, которые говорят о том, что мужчины больше трогают женщин, чем наоборот. Женская сдержанность и мужская несдержанность в касаниях могут вполне отражать биологическую потребность полов к аккомодации, т. е. к приспособлению к существующим общественным, культурным и коммуникативным нормам поведения, а не, скажем, подчинённое положение женщины и доминантное положение мужчины» [5, с. 24].

4. Традиционно сентиментальность, эмоциональность больше присущи представителям женского пола, мальчиков же «учат не плакать, быть мужественным, держаться молодцом, *stiff upper lip*, как говорят англичане, букв. 'закусить верхнюю губу', т. е. не плакать, сохраняя мужество и достоинство», несмотря ни на что [5, с. 38]. В проана-

лизированных сериях данный стереотип модифицируется: девочки менее сентиментальны, нежели мальчики. Так, в одной из серий, когда все думают, что Блум погибла, ни одна девочка не плачет, только Скай (её бойфренд) «ревёт», слёзы текут по его щекам рекой: *Она пожертвовала собой ради нас!* (В. 8).

5. С давних времён утверждается у женщин большая терпимость и меньшая, чем у мужчин, коммуникативная агрессивность. «Мужчины более настойчивы, что проявляется в их поведении. Женщины более уступчивы, они чаще, чем мужчины, склонны видеть хорошее и в самих диалогических партнерах, и в их актуальном поведении» [5, с. 34]. Данный тезис не распространяется на героинь исследуемого нами мультсериала: девушки часто нетерпимы и агрессивны: *Блум*: Хватит, сразитесь с нами! (В. 9). Ярким примером может послужить сцена общения Музы с Ривеном: *Муза*: Эй, что ты думаешь о моей шапке? Тебе нравится? *Ривен*: Да, выглядит круто! *Муза*: Выглядит круто?! Это всё, что ты можешь сказать? *Ривен*: То есть, э-э-э, она выглядит теплой... *Муза*: И зачем ты это говоришь? *Ривен*: А что? Это лыжная шапочка! Разве она не должна быть теплой?! *Муза* кидает шапку в лицо Ривену и уходит. *Муза*: Это невыносимо!!! (В. 3).

Исследование собственно языкового материала также даёт возможность утверждать целенаправленное создание и распространение у языковой личности ребёнка определенных эгалитарных поведенческих моделей, воспринимающихся как эталон. Это обнаруживается практически на всех уровнях языка, но объём статьи позволяет нам остановиться, причём частично, только на некоторых из них:

1) на **фонетическом** — «сильная» позиция героини акцентируется властным тоном и резким тембром голоса;

2) на **лексическом** — традиционно строгость высказываний, категоричность, агрессия свойственны мужчине, однако исследо-

дуемый нами мультсериал «ломает» этот стереотип — описанные характеристики присущи в данной мульпродукции героям:

• **категоричность** — *Стела*: Всё, меняем свои планы — **все едем в Солярию. Никаких но!** Бал принцессы бывает один раз в жизни, и Вы **должны** там быть, непременно! (В. 1), *Блум*: Чтобы ты знал, **я могу сама о себе позаботиться!** (В. 3), *Стела*: Мне всё равно! **Я ни за что не позволю Кассандре так управлять моим отцом! Ясно?!** (В. 7);

• **агрессия** — *Блум матери*: Это не глупости, **ясно?!** (В. 2).

Кроме того, в мультсериале встречается лексика, подтверждающая **эгоцентризм** главных героинь (исключительная заинтересованность собой и своими чувствами) — **я хочу / не хочу, я мечтаю**: *Стела*: Я хочу его надеть на чаепитие в саду у мамы. (В. 1), *Блум*: Я не хочу проводить свои летние каникулы в магазине! (В. 2), *Лейла*: А я **мечтаю** иметь мотоцикл, чтобы кататься с ними! (В. 4), *Флора*: А я хочу зайти поглубже в лес! (В. 4.), *Стела*: Я так рада тебя видеть! (В. 5), а также их **самовлюблённость**: *Стела*: Ничего подобного, **я гениальна от природы** (В. 10).

Показательным примером формирования в детском языковом сознании эгалитарных представлений о женском образе на лексическом уровне, на наш взгляд, являются не свойственные девушким **обращения**. Можно встретить обращение к представительницам женского пола посредством собирательного слова **ребята и друзья** (заметьте — не подруги!) *Лейла*: Стела, не волнуйся! Я понимаю, как тебе тяжело! **Ребята**, я не знаю, как Вас благодарить! Вы такие хорошие **друзья!** (В. 6) и так называемые **гендерные окказионализмы**: *Стела*: В красном купальнике я похожа на **спасательницу**, правда? (В. 4), *Блум*: Ты сбежал из измерения Омега. Ты напал на Андрос и превратил **русалок-охранниц** в монстров

(В. 6), *Текна*: И если у нас это получится, мы уменьшим **армию его русалок!** (В. 6).

3) на **грамматическом** — в мультипликационном нарративе образ девушки стереотипизирован и благодаря морфологическим и синтаксическим особенностям текстового наполнения.

Так, на **морфологическом уровне** в мультипликационном тексте наблюдается частое использование **личного местоимения 1-го лица единственного числа** (проанализировано около 150 конструкций): *Стела*: Бал принцессы? Для **меня?** Я была уверена, что они **мне** его не устроят! (В. 1); *Блум*: Я уже всё сказала: на неё напали какие-то ужасные монстры! (В. 2); *Текна*: Мы слишком медлим, **я** пытаюсь сбросить птицу с крыши корабля! (В. 5); *Лейла*: Я помню, каким прекрасным было это место. Я не могу поверить, что это случилось с моим океаном! (В. 6).

На **синтаксическом языковом уровне** можно отметить **обилие глаголов в повелительном наклонении** (проанализировано около 180 конструкций): *Муза*: Не говори этого! (В. 4); *Блум*: Мы не хотим драться с тобой! *Сдавайся, Валтер!* (В. 6); *Флора*: Остановись! Не делай глупостей! (В. 7); *Стела*: Блум, **встречай** своего принца! (В. 7); *Текна*: Тимми, **отнесите** Флору на корабль и **приготовьтесь** к взлёту! (В. 7); *Блум*: Ярость дракона, **найди** Валтера, где бы он ни был! (В. 8); *Флора*: Вернитесь живой и невредимой! (В. 10); Присутствует также многократное употребление **номинативных предложений-призывов**: *Муза*: Муза — волшебница Винкс. Чармикс! Максимальная громкость! (В. 4); *Стела*: Папа! Солнечная молния! (В. 7); *Муза*: Волшебный портовый удар! (В. 8); *Текна*: Электрическая гроза! (В. 8).

Таким образом, на основании реконструкции норм, воспроизводимых в текстах современных мультильмов для детей дошкольного возраста, можно сделать вывод о том, что в большинстве из них создаётся эгалитарная картина мира со своеобразным этало-

ном поведения, с законами совести и чести. А ведь просмотр мультфильмов, наряду с другими механизмами воздействия на сознание

детей, ведёт к формированию языковой личности ребёнка, к конструированию его вербального и невербального поведения.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

«Бал принцессы» — В. 1; «Неожиданное событие» — В. 2; «Поселение Пикси» — В. 3; «Сила Чармикса» — В. 4; «Зеркало правды» — В. 5; «Море страха» — В. 6; «Предательский бал» — В. 7; «Новое начало» — В. 8; «Белый круг» — В. 9; «Опасность на Диких землях» — В. 10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликаев Р. С., Башиева С. К., Ашинова И. В. Стратификация пола как этно- и социокультурный феномен // Русский язык в полигэтнической среде: состояние и перспективы: Материалы Международной конференции. Нальчик, 2003. С. 5–15.
2. Гендер для «чайников». М.: Звенья, 2006. 263 с.
3. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: Автограф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2005. 48 с.
4. Здравомыслова Е., Герасимова Е., Троян Н. Гендерные стереотипы в дошкольной детской литературе: русские сказки // Преобразование: Феминистский журнал. 1998. № 6. С. 65–78.
5. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.
6. Пропп В. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928.

REFERENCES

1. Alikayev R. S., Bashieva S. K., Ashinova I. V. Stratifikatsija pola kak etno- i sotsiokul'turnyj fenomen // Russkij jazyk v polijetnicheskoj srede: sostojanie i perspektivy: Materialy Mezhdunarodnoj konferentsii. Nal'chik, 2003. S. 5–15.
2. Gender dlja «chajnikov». M.: Zven'ja, 2006. 263 s.
3. Gritsenko E. S. Jazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Tambov, 2005. 48 s.
4. Zdravomyslova E., Gerasimova E., Trojan N. Gendernye stereotipy v doshkol'noj detskoj literature: russkie skazki // Preobrazhenie: Feministskij zhurnal. 1998. №6. S. 65–78.
5. Krejdlin G. E. Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noj kommunikatsii. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 224 s.
6. Propp V. Morfologija skazki. L.: Academia, 1928.

A. A. Осипова

«ТЁМНЫЕ МЕСТА» КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Статья посвящена одной из наиболее спорных проблем художественного перевода, связанной с наличием в исходном тексте так называемых «тёмных мест», т. е. фрагментов, труднодоступных для понимания или допускающих неоднозначную интерпретацию. Анализируются взгляды по данному вопросу ряда теоретиков перевода (П.-Д. Юэ, А.Ф. Тайтлер, В. фон Гумбольдт, М.Л. Лозинский и др.). Особое внимание в этой связи уделяется текстам религиозного характера, при передаче которых указанный момент осложняется необходимостью учитывать сакральный характер последних и сложившуюся традицию их презентации.